

Общеизвестно, что П. В. Шейн работал с помощью многочисленных корреспондентов, очень различных по своей подготовке, интересам, социальному положению, степени заинтересованности в работе. Эта группа учащихся (гимназисты, семинаристы, ученики сельских и народных училищ), группа «официальных» корреспондентов (учителя, волостные писаря, старшины) и, наконец, группа, по терминологии П. В. Шейна, «столбовых» корреспондентов, многие из которых работали с ним в течение ряда лет. Среди них поэт и собиратель Д. Н. Садовников, собиратель Н. А. Иваницкий, книгошоа А. П. Кузнецов, учительница А. А. Мясоедова, поэт-самоучка И. И. Акугин и многие другие.

Среди белорусских корреспондентов П. В. Шейна особые заслуги в создании сборников принадлежат Н. Я. Никифоровскому, А. Е. Богдановичу, И. О. Карскому, Н. Яцко, С. Н. Рачинской, М. А. Дурову.

В результате упорных архивных разысканий, изучения корреспонденций, записных книжек, оригиналов записей автор монографии дает подробные сведения о каждом из помощников П. В. Шейна, принадлежавших «к тем незаметным скромным людям, самоотверженный труд которых способствовал движению вперед русской науки, русской фольклористики»⁷.

Н. В. Новиков, несомненно, правильно расценивает значение корреспондентов как огромной движущей силы всех начинаний исследователя. «Только благодаря корреспондентам, — пишет он, — их энергии и добровольной помощи П. В. Шейну удалось собрать и опубликовать обширные и большой научной ценности материалы и самому занять видное место в истории отечественной фольклористики и этнографии»⁸.

Монографию завершает «Библиография», включающая: 1) печатные работы П. В. Шейна; 2) литературу о П. В. Шейне и «Примечания», которые не только свидетельствуют о глубине и широте исследования Н. В. Новикова, но и дают интереснейшие дополнительные сведения о Шейне, его современниках, а также уточняют сведения о собирателе и его корреспондентах, приводившиеся в трудах предшественников автора монографии.

Книга Н. В. Новикова — результат многолетних изысканий. Ей предшествовал ряд статей, опубликованных в «Русском фольклоре» и «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», а также диссертация автора рецензируемой книги о Шейне.

Э. В. Померанцева

⁷ Н. В. Новиков, Указ. раб., стр. 185.

⁸ Там же, стр. 186.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Ю. В. Иванова. Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. М., 1973, 256 стр.

Народная Республика Албания — одна из наименее изученных в этнографическом отношении европейских стран. Тем более высоко надо оценить солидную монографию Ю. В. Ивановой, которая посвящена одной из сложнейших и интереснейших проблем — исторической структуре общества горцев в северных областях страны — наиболее замкнутой части ее населения. В социально-экономическом укладе горцев Северной Албании до недавних дней сохранялись глубоко архаические явления, аналогичные тем, которые существовали во многих странах Европы в раннее средневековье. И именно это делает книгу Ю. В. Ивановой особенно ценной для историка и этнографа: она проясняет на конкретном и живом материале некоторые недостаточно изученные стороны сложного процесса перерастания общинно-родового доклассового строя в раннеклассовое общество.

Автором использована едва ли не вся имеющаяся историко-этнографическая литература об Албании, использованы и документы, хранящиеся в архивах СССР, НРА, СФРЮ. Ю. В. Иванова имела также возможность провести несколько сезонов полевых исследований в Албании (1956, 1958 гг.), собрав ценную информацию от стариков, помнивших прежние порядки, и наблюдая некоторые из старинных обычаев еще в живом быту.

В наиболее полном виде нормы обычного права, отражавшего традиционную общественную структуру, изложены в ценнейшем источнике — «Кануне Лека Дукагини»,

который Ю. В. Иванова специально исследовала уже много лет назад¹. Для уяснения места североалбанского общества в системе социально-исторического процесса в целом автор широко использует сравнительный этнографический материал из сопредельных с Албанией областей Балканского полуострова и Кавказа, где при различии исторических судеб сложились сходные общественные институты; нормы «Кануна» сопоставляются также с Полицим и Винодолским статутами, с Салической и Русской правдами и некоторыми другими памятниками раннефеодального права.

Книга распадается на основные разделы (нумерованные главы): «Введение», «Очерк социальной истории Албании», «Этнографическая карта Северной Албании», «Хозяйственный быт горцев», «Формы общественного устройства, основанные на традициях кровного родства», «Территориальные формы общественного устройства», «Самоуправление родовых и территориальных объединений», «Правовые институты родового общества», «Обычное, уголовное и гражданское право», «Социальное расслоение», «Заключение».

Первые четыре раздела воссоздают исторический фон, на котором разворачивается исследование в основных главах. Они в значительной мере основаны на оригинальных источниках. Для этнографа самостоятельное значение имеет раздел, касающийся истории заселения североалбанских гор и формирования современных этнографических групп — Дукагьини, Мирдита, Мертура, Мальсия и др. (стр. 27—34). Приложена карта их размещения.

В разделе «Хозяйственный быт горцев» представляет интерес социально-экономическая характеристика албанского общества второй половины XIX — начала XX в. (в целом феодальное, но многоукладное). Уклад североалбанских горцев определен как «в значительной степени натуральный», «с элементами мелкотоварного» (стр. 64). Один из веских доводов в пользу этих заключений — картина разделения труда (стр. 35—64), воссозданная главным образом по этнографическим данным (которые для этой цели вообще в нашей литературе используются нечасто).

В основной части книги исследуются различные аспекты многоукладной структуры общества переходного — от доклассового к раннеклассовому — типа.

В разделе, посвященном общественным единицам, основанным на кровном родстве, подробно рассматриваются их главные иерархические ступени: «фис» — патриархальный род (аналогичный черногорскому «племеню»); «власяний» (братство) — более сплоченное и жизненное подразделение фиса, которое автор приравнивает к типу патрионимий; наконец, семья, или домохозяйство («штепи», «шипи»), как элементарная ячейка общественной структуры; она выступает в формах большой и малой семьи, легко переходящих одна в другую. Исследуются имущественные, правовые функции каждого из этих иерархических ярусов общественной жизни, их роль в регулировании брачных и родственных отношений.

Ю. В. Иванова полагает, что длительное сохранение пережиточных черт родственной организации зависело в первую очередь от условий ведения пастбищного скотоводства в горах Северной Албании при соответствующем уровне его развития и экстенсивном его характере, а также от исторической обстановки (политический хаос в Османской империи, военные столкновения, возникавшие во время антитурецких восстаний и вследствие межродовой вражды), для которой такая организация была рациональной (стр. 79—80, 86—87, 228—229). Автор отстаивает мнение о давности и непрерывности этой традиции в албанском обществе (стр. 229—230), не упуская при этом из виду постепенного видоизменения родственных связей в соседские (стр. 86). В прошлом фис, по мнению Ю. В. Ивановой, в хозяйственном отношении был подобен родовой общине, тогда как в идеологическом «его смело можно сопоставить с родом» (стр. 230). Основное ядро фиса составляли мужчины; их матери и жены включались в материальное производство фиса мужа, оставаясь при этом членами родовых групп своих отцов. Мужчины обязаны были защищать своих сестер и дочерей, выданных замуж, и помогать им. Все это иллюстрируется интереснейшим материалом из области обычного права, бытовых взаимоотношений, этикета, наконец, мифологических представлений.

В исследуемый период уже не фис, а власяний реально выполняла функции, некогда принадлежавшие роду. Называя патрионимию наследницей рода, автор вместе с тем справедливо отмечает ее двойственную природу, раскрывающуюся в одновременной ее связи с семьей (стр. 81—82, 235). Таким образом, Ю. В. Иванова полемизирует с рядом исследователей (М. О. Косвен, А. И. Робакидзе и др.), рассматривавших патрионимию лишь как результат распада семьи.

Представляется важным подмеченное автором терминологическое неразличение албанским народом большой и малой семьи («штепи» — дом), их одинаковое положение в качестве элементарной общественной единицы (стр. 88—89). Из приводимого материала вырисовывается определенная имущественная связь семьи с более широкими родственными объединениями, незавершенность распада семейно-общинной собственно-

¹ Ю. В. Иванова, Обычное право Северной Албании как этнографический источник, «Сов. этнография», 1961, № 3; ее же, Законник Лека Дукагьини, «Хрестоматия памятников феодального государства и права», М., 1961.

сти, малая экономическая и правовая самостоятельность отдельной личности. То же, по нашим наблюдениям, отмечается у южных славян, и это, думается, одна из существенных причин того, что малая семья легко переходит в большую в течение исторического периода, предшествовавшего капиталистической эпохе.

Более поздними элементами структуры общества албанских горцев были «байраки» — административно-территориальные образования, введенные или узаконенные османской властью, село (сельская община) и некоторые другие соседские объединения. Автор находит определенную преемственность между институтами, построенными на родственной и на территориальной основе. Корпорации, разные по своей форме и по месту в иерархической структуре общества, в исследуемый период во многих отношениях оказываются однотипными, будучи в то же время генетически разновременными.

В органах самоуправления родственных и территориальных объединений переплелись формы разных исторических возрастов: родовые старейшины; «байрактары» — узаконенные османским правительством должностные лица, не связанные с родовыми организациями; воеводы — военные вожди, функции которых сложились, по мнению автора, в эпоху военной демократии (стр. 119). Рассматриваются социальная роль и место общего схода и совета старейшин как органов самоуправления (стр. 120—123). Автор выделяет особняком стоящую в этом отношении область Мирдита, где наследственная власть издавна находилась в руках феодальной фамилии Ђомарков.

Общественно-правовые обычаи Ю. В. Иванова описывает в разделах «Правовые институты родового общества» и «Обычное, уголовное и гражданское право». Первый из этих разделов содержит анализ обычаев экзогамии, фиктивного родства (побратимство, кумовство и пр.), гостеприимства, кровной мести; второй — такие институты, как «беса» (клятвенная гарантия, поручительство, присяга), «прейя» (захват скота, аналогия среднеазиатскому обычаю «баранты»), суд старейшин. Автор группирует нормы социального регулирования по их исторической последовательности в три ступени: собственно обычай — обычное право — право. «Рассматривая различные порядки, по которым жили горские общины, можно увидеть, как обычаи превращались в обычное право и это последнее — в право в собственном смысле слова, т. е. в писанные законы классового общества» (стр. 171). Такая группировка несколько уязвима, поскольку термины «обычай», «обычное право», «правовой институт» и пр. в ходе изложения не всегда четко разграничиваются по смыслу. Но это скорее зависит от недостаточно продуманной у нас терминологической практики, установившейся в юридической литературе и отсюда перенесенной в этнографию. «Право» у юристов часто употребляется как синоним «закона», и область его существования поэтому ограничивается одним только классовым общественным строем; доклассовому обществу достаются, взамен права, одни лишь «обычаи». Но ведь обычаи бывают не только правовые, т. е. регулирующие отношения между людьми, а и связанные с бытовыми привычками, эстетическими представлениями и пр. Словом, терминология нуждается в уточнении. Данная же Ю. В. Ивановой дифференциация правовых норм албанцев по историческим ступеням их развития — от типично родовых обычаев, уходящих корнями в первобытную эпоху, до норм уголовного и гражданского права, закрепляющих привилегии правящего общественного класса и служащего его интересам, — не вызывает сомнения. Особенно мастерски прослежен автором этот вопрос на примере обычая кровной мести (стр. 139—170): на конкретных фактах разбираются все стадии его развития, начиная с его зарождения в недрах родового строя и вплоть до раннефеодальных общественных порядков, где «верхушечные слои общества извлекали из древнего института для себя выгоды материального и престижного характера и с этой целью сами в значительной мере провоцировали акты кровомщения...» (стр. 169—170).

Материал рецензируемой книги показывает, как «глубинные социальные» процессы расшатывали родовый строй, но в восприятии и истолковании самими горцами отдельных сторон жизни еще весьма крепкими оставались моральные нормы, этические понятия родового строя. Живучими оказывались его институты. Они маскировали подспудное развитие феодальных отношений» (стр. 169).

Последний раздел, «Социальные отношения», посвящен анализу зарождающихся и ранних форм имущественной и классовой дифференциации изучаемых обществ. Процессы перерастания кровнородственных форм общественных связей в территориальные протекали одновременно со сдвигами в сфере производства и распределения материальных благ. Постепенно ослабевали экономическая общность и совместные формы труда родовых общин; труд все более индивидуализировался, все больше укреплялась малая семья как главный носитель частнособственнического начала (стр. 197). Одной из причин, воздействующих на эти процессы, было проникновение денежных отношений через связи с городом и равнинными земледельческими районами (стр. 57—58). «Великой разрушительной силой были деньги», — говорит автор (стр. 198), и один из подразделов книги озаглавлен: «Традиции родового строя и власть денег» (стр. 198—206). Здесь рассматриваются формы эксплуатации, развившейся внутри общины: ростовщичество, издольная аренда (особенно аренда скота), которые, конечно, в неодинаковой степени были развиты в разных микрорайонах (стр. 203—208).

В подразделе «Знание и плебей» Ю. В. Иванова пытается выяснить, что было первичным — экономическая или социальная дифференциация. Она избегает упрощен-

ного, однозначного решения и, как думается, подходить к рассмотрению этого вопроса правильно. Прежде всего, албанские материалы показывают наличие древнейшего расслоения между коллективами — родами, братствами. Интересно наблюдение, что расслоение между родственными группами было обусловлено (наряду с другими причинами) прежде всего их численностью (стр. 207): при низком уровне развития техники человеческие руки — весьма существенный фактор производства, а военная добыча и способность к защите — важные условия материального существования. Дифференциация между коллективами предшествует, по мнению Ю. В. Ивановой, индивидуальной: племенная знать формируется из представителей «сильных» родов. Со временем у родовой аристократии, занимавшей лидирующее положение по праву первородства, появились соперники, которые получали должности из рук центральной власти или же узурпировали ее, опираясь на личную силу и авторитет (стр. 208), а также стремились сделать занимаемые ими должности наследственными. На этом этапе появляется возможность дифференциации между семьями внутри родственных объединений. Из лиц, занимавших общественные должности, и формируются господствующий класс, заключает автор, ссылаясь здесь на мысль Энгельса, который считал именно это явление «универсальным путем классовобразования» (стр. 207—208). Но этот процесс растянулся на века, и привилегированное положение родовых старейшин и военных вождей, осуществлявшееся на практике, не получило окончательного оформления в обычном праве, «... фактическое неравенство людей не было дополнено открыто провозглашенным юридическим неравенством» (стр. 196).

По ряду формальных признаков сереоалбанское общество обнаружило большую архаичность социального устройства, чем раннеклассовые общества в Западной Европе и на Руси (стр. 112 и др.). Однако автор не считает уровень развития общественных институтов Северной Албании в XIX в. идентичным развитию германских, славянских или кавказских племен накануне становления феодальных отношений. Неоднократно подчеркивая сложность и противоречивость общественной структуры общества горцев в условиях Османской империи, автор находит историческое объяснение этой внешней архаичности: «Очевидно, перед нами результат определенной политической тенденции, закрепления демократических норм первобытнообщинного строя как противовеса сословной структуре феодальной Османской империи, „порядки“ „добрых старых времен“ нарочито и активно противопоставлялись классовому неравенству окружающего мира» (стр. 154).

Нельзя сказать, чтобы в превосходном исследовании Ю. В. Ивановой не было спорных мест. Это естественно для работы такого широкого охвата. Помимо отмеченных в ходе изложения остановимся еще на двух.

«Формы общины и формы семьи не находятся в категорической взаимосвязи», — пишет Ю. В. Иванова на стр. 236. В общем это так, если понимать под формой семьи число поколений, ее составляющих. Но правомерно ли из этого выводить ее внутреннюю сущность и, в частности, собственныеческие отношения: большая семья — коллективная собственность, малая — частная? Это стало почти общим местом в нашей литературе: незаметно посылка и следствие поменялись местами, и лишь по поколенному составу семьи многие авторы находят возможным заключать о ее внутреннем строе. Между тем материалы по целому ряду народов показывают, что внутренние взаимоотношения в большой и малой семьях данной эпохи имеют больше сходных черт, нежели различий. Так считает и сам народ: в частности, вышеуказанные наблюдения Ю. В. Ивановой свидетельствуют о том, что разница в поколенном составе семей не отражалась на их правовом положении и не выделялась терминологически. То же отмечали у южных славян и некоторые ученые, непосредственно наблюдавшие народный быт (П. А. Ровинский, М. Радославлевич, С. Бобчев); к аналогичным выводам пришел автор этих строк относительно болгар; к этой мысли близки Н. А. Кисляков и М. А. Бикжанова, наблюдавшие малую и большую семью народов Средней Азии и Казахстана на стадии разложения семейно-общинных отношений. И наоборот, малая семья докапиталистических обществ совершенно не равнозначна моногамной семье, функционирующей в условиях развитого товарно-денежного хозяйства. Поэтому, во-первых, нам представляется, что структура семьи, которая должна в первую очередь определять ее тип (термин «форма», употребляемый в этом смысле, менее удачен), зависит от стадии развития собственности в обществе, в котором она существует, а следовательно, и от формы общины, и, во-вторых, следовало бы осторожнее говорить о собственности главы малой семьи, как о «частной» (см. напр., стр. 197), когда буржуазные отношения еще столь мало развиты. Иначе трудно понять причину постоянного перехода малой семьи в большую и обратно в докапиталистическую эпоху и то обстоятельство, что это явление прекратилось в позднейшее время.

Другое замечание — более частного порядка. Верно характеризую родственные связи как форму социальных связей, Ю. В. Иванова, на наш взгляд, обратила недостаточного внимания на то, что понятие родства в исследуемом ею обществе отличается от нашего; оно гораздо шире — это синоним близости вообще. Поэтому вполне естественно — и иначе быть не может, — что и члены искусственно созданных фисов (в силу общности материальных интересов, для защиты и т. п.), зная разнородное свое происхождение, тем не менее называют себя «родней» (стр. 72). Понятия близости по интересу, по приязни еще нет: связи между людьми регламентированы изначальной принадлежностью каждого к определенной группе (в данном случае родственной). Поэтому свя-

зи, возникшие по тем или иным обстоятельствам между чужими, идеологически оформлялись как родство (что в целом очень хорошо показано в книге).

Общее значение рецензируемой работы, как нам кажется, состоит в том, что автором введен в научный оборот новый, очень богатый и уникальный для Европы материал, на основе этого материала подробно исследован общественный строй одного из наименее изученных европейских народов, и в результате, что особенно важно, высказаны соображения по ряду общен исторических вопросов, привлекающих внимание этнографов и историков.

К числу достоинств разбираемой книги надо отнести прекрасный язык изложения. Живой, яркий, образный, он местами поднимается до уровня художественной прозы.

Работа снабжена хорошо подобранной библиографией, глоссарием, этническим указателем и резюме на французском языке.

Л. В. Маркова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. Ф. Коробков. Буржуазная общественно-политическая и философская мысль Индонезии. М., 1972, 200 стр.

Монография А. Ф. Коробкова посвящена исследованию идеологии Индонезии — одного из крупнейших государств Азии, народ которого в течение долгого времени вел непрерывную борьбу за независимость против голландских колонизаторов, японских империалистов, борется против внешней и внутренней реакции.

Книга охватывает главным образом период с 1945 по 1965 г., т. е. с момента завоевания независимости до военного переворота. В известной мере она отвечает на вопрос, почему Индонезия, обладающая славными традициями в антиколониальной и антиимпериалистической борьбе, оказалась в 1965 г. в политическом тупике, почему власть захватили наиболее реакционные круги индонезийского общества. В этом отношении монография представляет общетеоретический интерес.

Во введении автор справедливо подчеркивает, что «если в области открытия и исследования памятников индонезийской материальной культуры уже достигнуты определенные успехи, то для разработки духовного наследия индонезийского народа и, в частности, его идеологии (философских, общественно-политических, религиозных и других взглядов) на различных этапах исторического развития страны сделано еще очень мало» (стр. 3—4).

Первая глава — «Религиозная и общественно-политическая мысль в Индонезии до 1945 г.» (стр. 6—31), рассматривает социальную структуру индонезийского общества. В ней анализируется влияние таких мировых религий, как буддизм, индуизм и ислам, на традиционное индонезийское общество, показан синкретизм местных религиозных культов.

Вполне естественно, что основное внимание уделяется исламу. Автор убедительно вскрывает причины быстрого распространения в Индонезии ислама, ставшего в условиях завоевания страны голландскими колонизаторами идеологическим знаменем национализма. Подробно рассматриваются также религиозные и философские взгляды различных слоев населения, в первую очередь мусульман. Очень интересен материал о характере индонезийского суфизма. Как и в других странах Востока, суфизм на первом этапе в значительной мере являлся выражением антифеодалных и антиортодоксальных настроений угнетенных масс.

Необходимо отметить, что автор многое сделал для выявления истоков и предпосылок формирования взглядов лидеров индонезийского национально-освободительного движения и показал переоценку этих взглядов в период становления буржуазно-демократического общества. А. Ф. Коробков не пошел по пути ряда других исследователей, которые в подобных случаях подменяют исследование конкретных явлений в конкретном обществе размышлениями о судьбах отдельных учений вообще. В работе рассмотрены конкретные политические силы, действующие в Индонезии, анализируются корни идеологических воззрений различных политических партий на различных этапах становления самостоятельного буржуазного государства на островах Индонезии. Достаточно наглядно показаны классовое расслоение индонезийского, в первую очередь яванского, общества в годы, предшествовавшие второй мировой войне, временный союз различных политических сил в период национально-освободительной борьбы и процессы, характерные для последующего периода.

Основное содержание книги определяют вторая глава — «Философские, социологические и общественно-политические концепции Национальной партии Индонезии и Социалистической партии Индонезии» (стр. 32—86) и третья глава — «Идеология мусульманских партий» (стр. 86—123). С этими главами в значительной мере связана и четвертая глава — «„Философия культуры“ С. Т. Алишахбаны» (стр. 123—163). Автор охватывает весьма широкий круг проблем философии, социологии, общественно-политической мысли, а также религиозных взглядов индонезийского народа в первой половине XX в. И это вполне закономерно, так как указанный период связан с